

63.3(2)41

Р93

СА-412203

БОРИС РЫБАКОВ

КИЕВСКАЯ РУСЬ

И РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

XII–XIII ВВ.

Б.А. Рыбаков

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Р 93

Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.

Происхождение Руси
и становление ее государственности

СА-4122.03

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

«Академический проект»
Москва, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Введение	7
Часть 1. Древние славяне. Происхождение Руси	15
1.1. Древнейшие судьбы славян	15
1.2. Происхождение славян	16
1.3. Праславянский мир на рубеже II и I тысячелетий до н. э.	20
1.4. Праславяне в скифское время (VI–IV вв. до н. э.)	22
1.5. Упадок в результате сарматского нашествия	33
1.6. Новый подъем. «Трояновы века»	39
1.7. Нашествие гуннов. «Бусово время»	49
1.8. Великое расселение славян	50
1.9. Происхождение Руси	59
1.10. «Кто в Киеве нача पहले княжити?»	97
Часть 2. Образование Киевской Руси	118
2.1. Племенные союзы VI–IX вв. на территории Древней Руси	118
2.2. Племенной союз вятичей	143
2.3. Русь — государство	172
2.4. Сбыт полюдья	221
2.5. Остров русов	236
Часть 3. Киевская Русь в X — начале XI в.	255
Часть 4. Расцвет Киевской Руси (XI — начало XII в.)	299
4.1. Русь в правление Ярослава Мудрого	299
4.2. Феодальный замок XI–XII вв.	312
4.3. Народные массы. Смерды и ремесленники	324
4.4. Восстание в Киеве 1068 г.	330
4.5. Князья «Гориславичи» и киевское восстание 1113 г.	337
4.6. Владимир Мономах — боярский князь (1053–1113–1125 гг.)	346
Часть 5. Русские княжества XII — начала XIII в.	365
5.1. Причины обособления русских княжеств	365
5.2. Киевское княжество	378
5.3. Черниговское и Северское княжества	388
5.4. Галицко-Волынские земли	397
5.5. Полоцкое княжество	408
5.6. Смоленское княжество	413
5.7. Новгород Великий	417
5.8. Владимиро-Суздальское княжество	434
Заключение	452
Приложение 1. Источники по истории Киевской Руси IX–XII вв.	475
Русские источники	475
Летописи. Нестор	476
Былины	512
Восточные источники	545
Приложение 2. Источники по истории княжеств XII–XIII вв.	615

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый вниманию читателей фундаментальный труд выдающегося отечественного ученого, специалиста по истории, археологии и культуре Древней Руси, академика Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001) был впервые опубликован в 1982 г. издательством «Наука» и с тех пор переиздавался небольшими тиражами без существенных изменений его содержания и структуры.

В советское время Б.А. Рыбаков как академик-секретарь отделения истории АН СССР, лауреат высших государственных наград и премий за свою многолетнюю плодотворную научную деятельность, признанный глава отечественной школы медиевистов, самым своим высочайшим и вполне заслуженным авторитетом был фактически избавлен не только от недобросовестной, но и вообще какой-либо содержательной критики в свой адрес, хотя причин для научной критики и неприятия защищаемых им научных положений, особенно тех, что представлены в данной очевидно дискуссионной книге, было достаточно; причин серьезных именно в научном отношении, если отбросить любые иные мотивы политического характера, давшие о себе знать уже в скором времени после опубликования книги, но особенно в 90-е годы, когда ниспровержение всяческих авторитетов и научных достижений советского времени сделалось обычным явлением.

Основанием для большинства критических отзывов о книге Б.А. Рыбакова «Киевская Русь» послужили мнения видных отечественных историков А.П. Новосельцева (Вопросы истории. № 1. 1993. С. 23–32) и Л.С. Клейна (Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия, 2004) о недостаточной обоснованности некоторых положений концепции Рыбакова об истории зарождения древнерусской государственности, которые в общих чертах сводятся к следующему:

1. Южное происхождение термина «Русь» и племени русов на территории полян и северян не подтверждено источниками.
2. Отнесение времени основания Киева на конец V — начало VI в. ничем не обосновано.
3. Существование династии киевских князей в VI–IX вв. — выдумка Рыбакова.
4. Игнорирование автором факта отсутствия городских культурных археологических слоев на территории Киева древнее IX в.
5. Слишком вольная интерпретация им географических и иных сведений о Древней Руси, содержащихся в арабских и иных письменных источниках.

ЧАСТЬ 1. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ

1.1. Древнейшие судьбы славян

Для правильного понимания сложного процесса образования государства Руси (Киевской Руси) необходимо прежде всего использование всех видов исторических источников, их критическая разработка и строгий отбор достоверного. Второй задачей является максимальное расширение хронологических рамок изучения. Рождение первого феодального государства было не однократным событием, а процессом, длительным многовековым развитием славянского общества, результатом которого явилось образование в IX в. государства Руси. Если уже киевский монах Нестор начинал свое введение в историю Руси с незапамятных времен Вавилонского столпотворения и первичного расселения славян в Европе, то мы тем более обязаны изучить процесс вызревания государства с самых первых признаков социального неравенства, с первых предпосылок будущей государственности. Где искать эту неизвестную точку отсчета?

Для правильного понимания процесса хронологические рамки изучения необходимо раздвинуть примерно на полторы тысячи лет от Киевской Руси в глубь веков. Нулевая точка отсчета будет отстоять от начальной фазы Киевской Руси и от варяжских набегов примерно на столько же, на сколько Геродот или Перикл отстоят от наших дней. Условием новой концепции должно быть рассмотрение в единой системе разных крупных проблем: происхождение славян; сроки и пути колонизационного процесса; формирование племенных союзов; славяно-скифские взаимоотношения; роль нашествий сарматов, гуннов, хазар и др.; эволюция религиозных представлений; установление периодов подъема и упадка славянского общества.

В систему исторического анализа должны войти не только (а для древних эпох и не столько) данные письменных источников, но и археологические материалы, драгоценные своей полнотой, непрерывностью и объективной сущностью, выгодно отличающей их от неизбежной субъективности сведений древних географов и хронистов.

Археология, вооруженная всеми новейшими естественно-математическими методами, давно уже вышла из той фазы, когда раскопки только лишь пополняли музейные коллекции. Археология на современном уровне широко (хронологически, географически и тематически) раздвигает рамки нашего исторического познания и дает нам динамику исторического процесса.

Археологический анализ охватывает поселения, формы быта, уровень хозяйства, степень социальной дифференциации (выделение воинов и вождей), религиозные представления и т. п. Кроме того, археологические памятники в настоящее время настолько широко (географически) изучены, что дают представление о границах племен, об этнических массивах, о передвижении племен и об их взаимоотношениях, т. е. дают историю человечества.

Большими резервами сведений о древних славянах обладает лингвистика. Взаимовлияние языков внутри индоевропейского единства и за его пределами позволяет определить языковых предков славян и место славян среди других языковых групп. Разрабатываемый в настоящее время (О.Н. Трубачев) словарь праславянского языка помогает (в сочетании с точно датированными предметами и явлениями) установить эволюцию лексики и выделить отдельные периоды.

Топонимика позволяет устанавливать ареал славянства в разные периоды его исторической жизни и определять языковую принадлежность соседей.

Лингвистика еще не исчерпала всех своих возможностей реконструкции исторического процесса славянства. Особенно важен анализ эволюции социальной терминологии.

Значительную ценность для историка представляет этнографический материал. Анализ фольклора и народного изобразительного искусства показал, что эволюция религиозного сознания древних людей происходила весьма своеобразно — не путем полной смены старых форм и замены их новыми, а путем наслаивания нового на сохраняемую старую форму. Благодаря этому в народной памяти, в народном быту, фиксируемом этнографами, сохраняются в том или ином виде (иногда в сильно трансформированном) пережитки всех предшествующих эпох вплоть до каменного века. Такая особенность эволюции религиозных представлений позволяет экстраполировать интереснейшие этнографические данные XIX–XX вв. на большую хронологическую глубину и насыщает каждую промежуточную эпоху конкретным материалом.

1.2. Происхождение славян

Исходной позицией для последовательного рассмотрения истории славян следует считать период отпочкования славянской языковой семьи от общего индоевропейского массива, который лингвисты датируют началом или серединой II тысячелетия до н. э. К этому времени предки славян прошли уже длительный путь развития родоплеменного общества.

Особую важность представляет вопрос о географии славянского мира в середине II тысячелетия до н. э. По данным лингвистики, ландшафтная зона славянской прародины — лиственные леса Центральной

Скифо-балтская географическая концепция была создана в ту пору, когда днепровские праславяне под именем скифов-пахарей были хорошо известны по хлебной торговле через Ольвию, а висло-одерские праславяне были открыты мореплавателями.

1.5. Упадок в результате сарматского нашествия

Полнокровное развитие скелотского общества в V—III вв. до н. э., дошедшего, судя по всему известному нам, до уровня государственности, было прервано сарматским нашествием II в. до н. э. Сарматы двигались с востока, от низовий Дона, и в конце концов достигли Среднего Дуная. Они отрезали лесостепных скелотов от степных скифов-кочевников, ушедших в сердцевину Крыма. В Среднем Поднепровье сарматы уничтожили одно из скелотских царств по Тясмину и сильно потеснили северное царство (киевская археологическая группа), заняв обширное Перепетово Поле на север от р. Роси. Только что зародившаяся праславянская государственность Среднего Поднепровья исчезла примерно на четыре столетия, впредь до сложения новой благоприятной конъюнктуры.

Можно допустить, что во время сарматского нашествия какая-то часть днепровских скелотов из полностью разгромленного тясминского «царства» ушла не на север, а на юг, слившись с настоящими скифами и разделив с ними противостояние сарматам. Очень уж быстро, сразу после нашествия, на Нижнем Днепре возникли крепости и города, которых у кочевых скифов никогда ранее не было (кроме Каменского городища, ниже порогов, охранявшего царские некрополи). В пользу переселения на юг говорит наличие зарубинецких материалов в позднескифских городищах.

Нашествие новых степных кочевников отразилось в русском, украинском и белорусском фольклоре, записанном этнографами XIX в. (так же, как и набеги более древних киммерийцев). Символом степняков по-прежнему является огненный, многоглавый Змей (иногда Змей Черноморский). Появляется новый тип героя, связанного не с царской, а с крестьянской средой. Хронологической приметой отголосков богатырского эпоса сарматского времени является обилие женских враждебных персонажей: здесь есть и «змеиные жены», и «змеиные сестры», и гиперболизированный образ Бабы-Яги, владеющей табунами коней и летящей по воздуху в своей ступе, в которой легко угадать славянское осмысление скифо-сарматского походного котла.

У сарматских племен существовал своего рода аристократический матриархат: известны богатые и почетные захоронения сарматских женщин с оружием и конским снаряжением. Сарматов греки называют «женоуправляемыми». Сказки повествуют о царстве Бабы-Яги и о приморском «девичьем царстве» с каменными крепостями. Не лишено

Скифо-балтская географическая концепция была создана в ту пору, когда днепровские праславяне под именем скифов-пахарей были хорошо известны по хлебной торговле через Ольвию, а висло-одерские праславяне были открыты мореплавателями.

1.5. Упадок в результате сарматского нашествия

Полнокровное развитие скототского общества в V—III вв. до н. э., дошедшего, судя по всему известному нам, до уровня государственности, было прервано сарматским нашествием II в. до н. э. Сарматы двигались с востока, от низовий Дона, и в конце концов достигли Среднего Дуная. Они отрезали лесостепных скотов от степных скифов-кочевников, ушедших в сердцевину Крыма. В Среднем Поднепровье сарматы уничтожили одно из скототских царств по Тясмину и сильно потеснили северное царство (киевская археологическая группа), заняв обширное Перепетово Поле на север от р. Роси. Только что зародившаяся праславянская государственность Среднего Поднепровья исчезла примерно на четыре столетия, впредь до сложения новой благоприятной конъюнктуры.

Можно допустить, что во время сарматского нашествия какая-то часть днепровских скотов из полностью разгромленного тясминского «царства» ушла не на север, а на юг, слившись с настоящими скифами и разделив с ними противостояние сарматам. Очень уж быстро, сразу после нашествия, на Нижнем Днепре возникли крепости и города, которых у кочевых скифов никогда ранее не было (кроме Каменского городища, ниже порогов, охранявшего царские некрополи). В пользу переселения на юг говорит наличие зарубинецких материалов в позднескифских городищах.

Нашествие новых степных кочевников отразилось в русском, украинском и белорусском фольклоре, записанном этнографами XIX в. (так же, как и набеги более древних киммерийцев). Символом степняков по-прежнему является огненный, многоглавый Змей (иногда Змей Черноморский). Появляется новый тип героя, связанного не с царской, а с крестьянской средой. Хронологической приметой отголосков богатырского эпоса сарматского времени является обилие женских враждебных персонажей: здесь есть и «змеиные жены», и «змеиные сестры», и гиперболизированный образ Бабы-Яги, владеющей табунами коней и летящей по воздуху в своей ступе, в которой легко угадать славянское осмысление скифо-сарматского походного котла.

У сарматских племен существовал своего рода аристократический матриархат: известны богатые и почетные захоронения сарматских женщин с оружием и конским снаряжением. Сарматов греки называют «женоуправляемыми». Сказки повествуют о царстве Бабы-Яги и о приморском «девичьем царстве» с каменными крепостями. Не лишено

вероятия, что степная Баба-Яга во главе враждебного конного воинства, столь далекая от традиционного образа (избушка на курьих ножках в непроходимых лесных дебрях), есть отзвук авангарда сарматских племен — языгов, первыми напавших во II в. до н. э. на Поднепровье (языг-Яга). Все это связывается в единый комплекс и позволяет видеть в таких сказках отражение героического эпоса, созданного потомками скелотов и невров в пору длительного противостояния сарматским набегам.

Славянский поселок. Картина Н.К. Рериха

Сарматское нашествие, не только разрушившее скелотские «царства», но и перерезавшее надолго торговые пути в греческие города, сильно понизило общий уровень праславянской жизни. Праславяне Среднего Поднепровья сарматского времени известны нам по памятникам раннего этапа зарубинецкой культуры, облик которой в известной мере сходен с более ранней и довольно примитивной милоградской культурой (негры). Население в лесостепном Среднем Поднепровье поредело, и наблюдается интенсивная колонизация лесной зоны Верхнего Поднепровья: левобережье Припяти, Днепр до Смоленска, все пространство между Днепром и Десной и отчасти Верхняя Ока. Новые поселенцы занимали древние небольшие городища милоградцев, укрепляли их дополнительными валами и строили свои, тоже небольшие, крепостицы-убежища.

Севернее зоны милоградской культуры праславяне внедрялись в земли балтийских племен, поклонников бога Криве. Когда колонизационный процесс завершился, то население обширной области вокруг Валдайской возвышенности, славянское по языку, получило название «кривичи».

Возможно, что именно к этому времени упадка и ухода из лесостепи в лес относится запись Нестора о приходе радимичей и вятичей на

всѣхъ ꙗкошако странѣхъ. хощѣша же ити. и ꙗко
 парѣхъ ꙗко и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.

Въ лѣтѣ 964. ѿ вѣдѣнъ ꙗкошако. слышавъ ꙗко
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.

Въ лѣтѣ 965. ѿ вѣдѣнъ ꙗкошако. слышавъ ꙗко
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.
 ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако. и ꙗкошако.

Радзивилловская летопись.

Верхняя миниатюра: Святослав принимает побежденных вятичей. 964 г.

Нижняя миниатюра: Святослав побеждает хазар. 965 г.

расширительно обозначение «славяне», под которым исследователи подразумевали или все славянство, или его западную половину (княжество Святополка Моравского), оказалось описанием только одного племенного союза восточных славян — вятичей. Описание было сделано подробно и добросовестно; оно выдержало проверку другими источниками.

Далее нам следует сопоставить социологическую картину, полученную на примере одного союза племен, с тем, что нам даст анализ федерации нескольких союзов славянских племен, с тем, что современники обозначали одним коротким, но многозначительным словом — Русь.

2.3. Русь — государство

Обильный материал разнородных источников убеждает нас в том, что восточнославянская государственность вызревала на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Здесь за тысячи лет до Киевской Руси было известно земледелие. Темп исторического развития здесь, на юге, был значительно более быстрым, чем на далеком лесном и болотистом севере с его тощими песчаными почвами. На юге, на месте будущего ядра Киевской Руси, за тысячу лет до основания Киева сложились «царства» земледельцев-борисфенитов, в которых следует видеть праславян; в «трояновы века» (II–IV вв. н. э.) здесь возродилось экспортное земледелие, приведшее к очень высокому уровню социального развития. Смоленский, Полоцкий, Новгородский, Ростовский Север такого богатого наследства не получил и развивался несравненно медленнее. Даже в XII в., когда Юг и Север во многом уже уравнились, лесные соседи южан все еще вызывали у них иронические характеристики «звериньского» образа жизни северных лесных племен.

При анализе неясных и порою противоречивых исторических источников историк обязан исходить из аксиомы неравномерности исторического развития, которая в нашем случае проявляется четко и контрастно. Мы обязаны отнестись с большой подозрительностью и недоверием к тем источникам, которые будут преподносить нам Север как место зарождения русской государственности, и должны будем выяснить причины такой явной тенденциозности.

Второе примечание, которое следует сделать, приступая к рассмотрению ранней государственности Руси, касается уже не географии, а хронологии. Средневековые летописцы непозволительно сжали весь процесс рождения государства до одного-двух десятилетий, пытаясь уместить тысячелетие создания предпосылок (о чем они и понятия не имели) в срок жизни одного героя — создателя державы. В этом ска-

зывался и древний метод мифологического мышления, и средневековая привычка заменять целое его частью, его символом: в рисунках город подменялся изображением одной башни, а целое войско — одним всадником. Государство подменялось одним князем. Сжатие исторического времени сказалось в том, что основание Киева, которое (как мы установили теперь) следует относить к концу V или к первой половине VI в. н. э., некоторые летописцы ошибочно поместили под 854 г., сделав Кия современником Рюрика и сплющив до нуля отрезок времени в 300–350 лет. Подобная ошибка равна тому, как если бы мы представляли себе Маяковского современником Ивана Грозного.

Из русских историков XI–XII вв. Нестор был ближе всех к исторической истине в обрисовке ранних фаз жизни государства Руси, но его труд дошел до нас сильно искаженным его современниками именно в этой вводной части. Первый этап сложения Киевской Руси на основании уцелевших фрагментов «Повести временных лет» Нестора, подкрепленных, как мы видели, многочисленными материалами V–VII вв. и ретроспективно источниками XII в., рисуется как сложение мощного союза славянских племен в Среднем Поднестровье в VI в. н. э., союза, принявшего имя одного из объединившихся племен — народа РОС или РУС, известного в VI в. за рубежами славянского мира в качестве «народа богатырей».

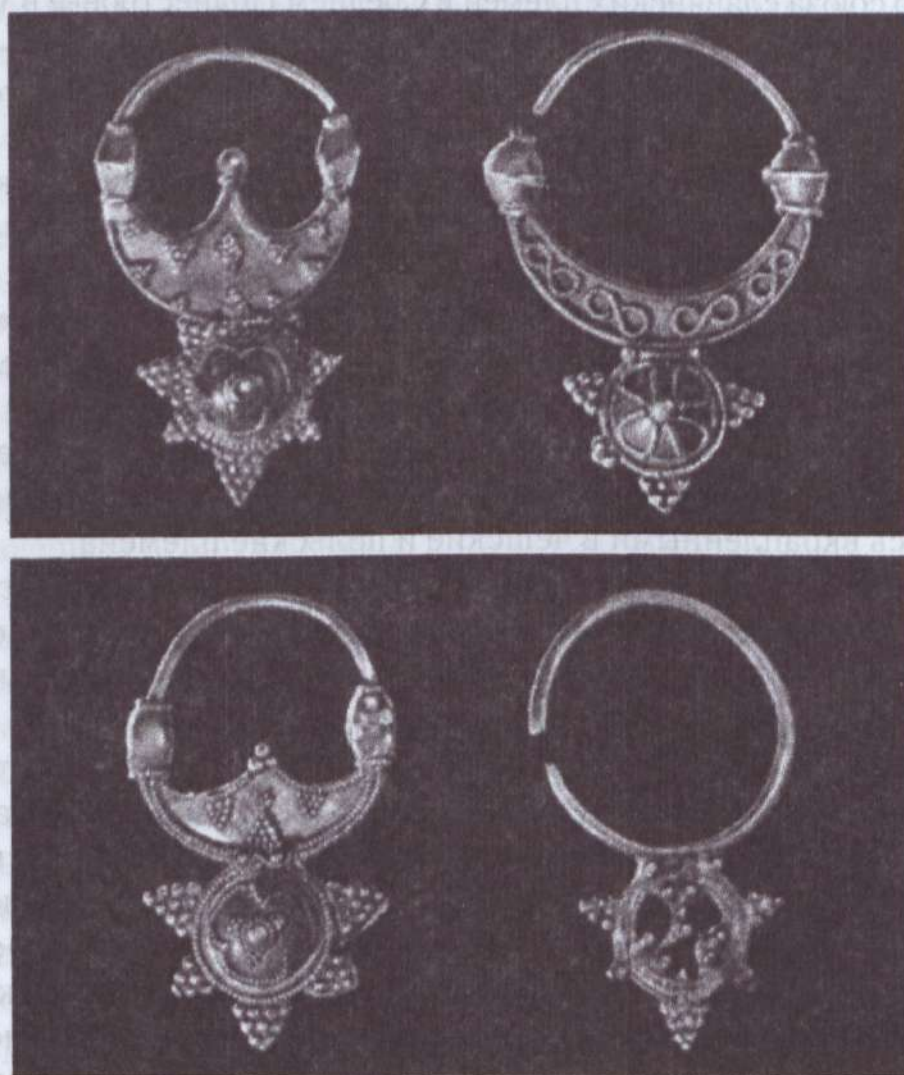
Как бы эпиграфом к этому первому этапу истории русской государственности киевский летописец поставил два резко контрастирующих рассказа о двух племенных союзах, о двух различных судьбах. Дулебы подверглись в VI–VII вв. нападению авар-«обров». Авары «примучиша Дулебы, сущая словены и насилие творяху женам дулебским: аще поехати будяще обьрину, не дадяще въпрячи ни коня, ни волю, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повезти обьрина...» Дулебы бежали к западным славянам, и осколки их союза оказались вкрапленными в чешские и польские племена.

Трагическому образу славянских женщин, везущих телегу с аварским вельможей, противопоставлен величественный образ полянского князя («поляне, яже ныне зовомая Русь») с великою честью принятого во дворце византийского императора в Царьграде.

Основание Киева в земле полян-руси сопоставлено другим летописцем с основанием Рима, Антиохии и Александрии, а глава русско-полянского союза славянских племен Великий князь Киевский приравнен к Ромулу и Александру Македонскому. Исторический путь дальнейшего развития славянских племен Восточной Европы был намечен и предопределен ситуацией VI–VII вв., когда русский союз племен выдержал натиск кочевых воинственных народов и использовал свое выгодное положение на Днепре, являвшемся путем на юг для нескольких десятков северных племен днепровского бассейна. Киев,

державший ключ от днепровской магистрали и укрытый от степных набегов всей шириной лесостепной полосы («и бяше около града лес и бор велик»), стал естественным центром процесса интеграции восточнославянских племенных союзов, процесса возникновения таких социально-политических величин, которые уже выходили за рамки самой развитой первобытности.

Вторым этапом исторической жизни Киевской Руси было превращение приднепровского союза лесостепных славянских племен в суперсоюз, включивший в свои границы несколько десятков отдельных славянских племен (неуловимых для нас), объединенных в четыре союза. Что представлял собой союз племен в IX в., мы уже видели на примере вятичей: здесь самостоятельно, изнутри, рождались отношения господства и подчинения, создавалась иерархия власти, установилась такая форма взимания дани, как полюдье, сопряженная с внешней торговлей, происходило накопление сокровищ. Примерно такими же были и другие союзы славянских племен, имевших «свои княжения». Процесс классообразования, шедший в каждом из племенных

Славянские украшения VIII в. Среднее Поднепровье